Л. И. Щеголева

О СИМВОЛИКЕ ЧИСЕЛ В ГРЕЧЕСКОМ ТЕКСТЕ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ИОАННА

Как утверждает современный исследователь Библии М. Вайс, с конца пятидесятых — начала шестидесятых годов XX в. «отмечается взрыв интереса к изучению Библии как литературы»[1]. Об этом «свидетельствуют многочисленные попытки применить разнообразные теории, методы и принципы современного литературоведения к изучению Библии»[2]. В 1976 г. английский ученый Д. Робертсон отметил, что «установка на изучение Библии исключительно как литературного произведения (вместе со всем, что из этого следует) стала общепринятой среди библеистов»[3].

Современная методология литературоведческого анализа художественных произведений как древности, так и Нового времени требует от исследователя «тщательного чтения», при котором, по замечанию М. Вайса, необходимо «уделять самое пристальное внимание тексту, каждому слову, порядку слов и синтаксису, синонимам и метафорам, редким синтаксическим явлениям, структуре каждого предложения и структуре произведения в целом»[4]. Как утверждает Л. Шпитцер, «тщательное чтение есть лучший способ проникнуть в секреты литературы»[5]. Ему вторит М. Вайс: «Только глубокое погружение в слова и язык текста могут обеспечить его здравое толкование»[6]. При таком подходе «есть один критерий верности интерпретации и, возможно, единственный или, по крайней мере, самый надежный критерий — это сам текст»[7]. По мнению И. А. Ричардса, «проверка ⟨...⟩ правильности интерперетации набора сложных знаков есть ее внутренняя связность (непротиворечивость), а также связь со всем остальным, что имеет значение»[8]. Как пишет М. Вайс, «интерпертация озна-

чает не разъяснение каждой детали в произведении самой по себе, а скорее разъяснение каждой детали в свете целого и разъяснение целого на базе всех его деталей»[9].

В настоящей работе будет проанализировано с точки зрения употребления чисел несколько фрагментов Евангелия от Иоанна, имеющих ключевое значение для понимания этого произведения как целого, проявляющегося в каждой отдельной детали и представляющего собой сцепление всех деталей воедино.

Относительно функции чисел в Священном Писании в современной библеистике не сложилось единого мнения. Так, в обзорных работах, с одной стороны, утверждается, что «употребление чисел в Библии не имеет ничего общего с произвольными домыслами некоторых современных толкователей, заявляющих, будто бы истинное значение чисел в Книге Откровения представляет собою род иносказания»[10], а с другой — высказывается противоположное мнение: «Как большинство народов Древнего Мира, израильтяне придавали числам символическую значимость. Так что всякий раз, когда библейские писатели упоминали число, похоже, что они имели в виду символическое значение; во многих случаях числа совершенно не следует понимать в их буквальном значении»[11].

Не касаясь значения чисел в Ветхом Завете, отметим особенность интерпретации чисел в новозаветных текстах, написанных по-гречески. Она, естественно, проистекает из того факта, что в греческом языке цифры обозначались буквами алфавита. Из этого следует, что каждое слово греческого языка можно рассматривать как сумму числовых значений составляющих его букв (этот способ, широко применявшийся в древности, называется «гематрия»), а каждой цифре-букве (кроме трех, вышедших из употребления) можно поставить в соответствие начинающееся с нее слово. Особое распространение подобные вычисления получили в гностических учениях. Так, мистический смысл гностики придавали тому факту, что числовое значение букв, входящих в имя Ἰησοῦς (Иисус), в сумме составляет 888, то есть восемь сотен, восемь десятков и восемь единиц, таким образом, заключая в себе все 24 буквы греческого алфавита[12], из которых восемь употребляется для обозначения сотен, восемь — для обозначения десятков и восемь — для обозначения единиц. Мистический смысл

придавался и сумме букв, составляющих слово περιστερά «голубь», точнее, «голубка» — 801. Число «восемьсот» обозначается последней буквой греческого алфавита — «омегой» (ω′), а единица — первой буквой алфавита «альфой» (α′). Это позволяло связать слово περιστερά с именованием Господа в Откровении Иоанна: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть и был и грядет, Вседержитель. (...) Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний» (Откр 1.8; 10)[13]. Как пишет Ириней Лионский (ум. ок. 202 г.) в своем знаменитом сочинении «Против ересей», «... имя Иисус, по числу, заключающемуся в буквах, есть восемьсот восемьдесят восемь (...) Потому, говорят, и алфавит эллинский имеет восемь единиц, восемь десятков и восемь сотен, что указывает на число восемьсот восемьдесят восемь, то есть на Иисуса, Который состоит из всех сих чисел; и потому именуется алфою и омегою в знак происхождения из всего»[14]. Еще одно значимое для гностиков с точки зрения числового значения слово — ἀμήν («аминь»), сумма числовых значений букв которого составляет 99[15]. Возможно, сакральное значение этого числа связано с упоминаемым некоторыми комментаторами обычаем, согласно которому древние, считая по пальцам, до 99 вели счет на левой руке, а сотенные числа — на правой руке[16]. Использование гностиками гематрии для интерпретации священных имен и слов навлекало на себя суровую критику со стороны отцов церкви: «Это уже превосходит и увы, и ох, и всякое плачевное восклицание и выражение скорби. Ибо кто не возненавидит худого слагателя и творца таких лжей, видя Истину, обращенную Марком в истукана, и притом исчерченного буквами алфавита?»[17]. «Ибо плача достойны те, которые такое богочестие и величие истинно неизреченной Силы и дела домостроительства Божия так холодно и насильственно разрушают посредством алфы, и виты, и чисел (...) Подлинно должно, отвергнув и прокляв это мнение, как можно далее бежать от них, и знать, что чем крепче стоят они за свои выдумки и радуются ими, тем более являют в себе действие осмерицы злых духов»[18]. «Ложность их учения и несостоятельность их вымыслов доказывается еще и тем, что они ищут доказательств то в числах и слогах имен, то в буквах и слогах, а иногда в числах, выражаемых у греков буквами»[19].

На связь Евангелия от Иоанна с гностической традицией обратила внимание И. С. Свенцицкая: «Некоторые ученые полагают, что среди источников четвертого евангелия наряду с традицией, использованной и в других евангелиях, было собрание речений чисто гностического толка. Другие считают, что автор этого евангелия сам внес в свое сочинение абстрактно-гностическую струю под влиянием различных религиозных учений»[20]. «Идейный строй Евангелия от Иоанна и отчасти Посланий Павла... отражает переход от эсхатологических чаяний иудео-христиан, ожидавших близкого конца света, к мистическим откровениям христиан-гностиков. Не исключено также, что ряд формулировок, напоминающих гностические сочинения, внесены в эти произведения переписчиками и редакторами в разгар борьбы ортодоксального направления с последователями гностических сект»[21].

В этой связи, как нам представляется, актуально звучит мысль критикуемого ныне за «промарксистскую» ориентацию А. Донини о том, что «новозаветные писания — это плод веры, мистической работы сознания, уходящего за пределы реальности в область вымысла и ритуальных верований»[22], то есть, по сути, о том, что к новозаветным текстам следует подходить как к сакральным произведениям, облеченным в литературную форму, — чего требует, как говорилось выше, и современный уровень развития библеистики.

Для анализа нами было выбрано несколько ключевых фрагментов Евангелия от Иоанна, содержащих числовые обозначения. Разумеется, они не исчерпывают полностью тему числовой символики в этом произведении. Многое в данном случае осталось «за кадром». Фрагменты были выбраны с учетом того требования, чтобы предложенная интерпретация удовлетворяла принципу «единства и внутренней непротиворечивости в герменевтике»[23]. Как заявляет Э. Штайгер, «герменевтика давно уже нас научила, что мы должны разъяснять целое на основе деталей, а детали — в свете понимания целого. Таков герменевтический круг, и мы не станем говорить, что это замкнутый круг, из которого мы не можем вырваться, — мы лишь должны ступать по нему с осторожностью и пониманием»[24].

Дословный перевод с греческого анализируемых фрагментов — наш, заглавия разделов даны в упрощенной транслитерации по Геннадиевской Библии[25].

I
«Бѣ же час яко десятыи»

> На следующий день снова стоял Иоанн, и из учеников его двое, и, взглянув на Иисуса идущего, говорит: вот агнец Божий. И услышали двое учеников его, говорящего, и пошли вслед за Иисусом. Обернувшись же Иисус и посмотрев на них, идущих вслед за Ним, говорит им: что вы ищете? Они же сказали Ему: равви, — что значит в переводе «учитель», — где Ты живешь? Он говорит им: идите, и увидите. И пришли они, и увидели, где Он живет, и у Него пробыли день тот; час был примерно десятый (Ин 1. 35—39).

Кирилл Александрийский (ум. в 444 г.), в духе экзегетической традиции Александрийской школы, толкует указание на десятый час в этом месте полностью иносказательно: «А относительно слов: *часъ бѣ яко десятый*, применяя к ним полезное для каждого толкования, скажем, что посредством этого столь точного указания времени Богослов опять научает нас тому, что великая тайна Спасителя нашего была открыта не в начале настоящего века, но когда время уже достигло конца, ибо в последние дни, как написано (Ис 44. 13) все мы оказываемся наученными Богом. Кроме того, если святый евангелист говорит, что ученики пребывали у Спасителя до времени около десятого часа, то это для того, чтобы входящие чрез веру в дом Божий и приступающие здесь к Самому Христу знали, что должно оставаться при Нем, а не удаляться от Него, возвращаясь ко греху или неверию»[26]. Очевидно, Кирилл Александрийский толкует здесь указание на *десятый* час дня, исходя из известных евангельских слов Иисуса:

> Ответил Иисус: не двенадцать ли часов во дне?
> Если кто ходит днем, он не спотыкается,
> Потому что он свет мира этого видит;
> Если же кто ходит ночью, он спотыкается,
> Потому что света нет у него (Ин 11. 9—10),

где двенадцатичасовой день, то есть светлое время суток, символизирует время земной жизни Христа[27], а вместе с тем и подходящее к концу, по мнению евангелиста, время существования зем-

ного мира. С таким толкованием перекликается и притча о работниках на винограднике (Мф 20. 1–16), где речь идет также о двенадцатичасовом дне. Как говорит Ориген в толковании на это место Евангелия от Матфея, «весь настоящий век называется днем» [28], а «одиннадцатый час» является временем пришествия Христа [29].

Итак, *десятый час*, по Кириллу, означает в Евангелии от Иоанна вечер земного мира, закат вселенной, последние часы существования человечества.

Толкование Иоанна Златоуста выдержано в традиции Антиохийской школы и не выходит на первый взгляд за рамки буквального понимание времени: «Они, как я выше сказал, хотели в уединении беседовать с Ним о чем-либо, послушать Его, научиться от Него; поэтому они и не отлагают своего намерения, не говорят: придем на другой день и послушаем Тебя, когда Ты будешь говорить в собрании народа, — но показывают все свое усердие к слушанию, так что не удерживаются от того и самым временем. Солнце уже склонялось к западу (подчеркнуто мной. — *Л. Щ.*): *часъ же бѣ, яко десятый*, сказано. Поэтому и Христос не сказывает им примет Своего жилища, не назначает места для беседы, а только более и более привлекает их к следованию за Ним, показывая, что принимает их к Себе. Поэтому также Он не сказал и ничего в роде того: теперь не время вам идти в Мое жилище, завтра, если хотите услышать что-нибудь, а теперь ступайте домой; но беседует с ними как с друзьями и людьми, уже долгое время бывшими с Ним» [30].

Однако и в этом толковании под видимостью бытового понимания указания на десятый час дня скрыто острое переживание автором стремительного ускорения временного потока, когда существование земного мира подходит к концу. Иоанн Златоуст понимает так не только время новозаветных событий, но и свое время, в котором существуют он и его слушатели: «настоящий же век приходит к концу и Воскресение уже при дверях ⟨...⟩ Время уже призывает нас к небу ⟨...⟩ должно отрешиться от всего, и от радости, и от печали по настоящим благам, и заботиться только о том страшном дне ⟨...⟩ Наступило небесное царство; а ты занимаешься домом, пиршествами и другими удовольствиями? *Преходитъ образъ мiра сего* (1 Кор 7. 31) ⟨...⟩ Не будет ни брака, ни

мук рождения, ни удовольствия и совокупления, ни изобилия денег, ни заботы о приобретении, ни пищи, ни одежды, ни земледелия и мореплавания, ни искусств и домостроительства, ни городов и домов 〈...〉 Все это немного спустя погибнет»[31]. Согласно толкованию Иоанна Златоуста, ученики спешат остаться с Христом, не дожидаясь завтрашнего дня. Они спешат, потому что поняли: осуществилось пришествие Мессии, и с этого момента течение земного времени приобрело стремительность и необратимость. Они спешат, потому что если они не успеют остаться с Ним сейчас, в момент Его появления перед ними, то они могут не успеть этого больше никогда («солнце уже склонялось к западу», т. е. земная жизнь Иисуса подходила к концу).

Это святоотеческое переживание эсхатологического времени в русской православной традиции ослаблено: «Было около 10-го часа, когда двое учеников пришли в дом, где пребывал Иисус. Так как Иоанн несомненно считает по еврейскому счислению, которое в его время было общим для всего Востока (ср. 19.14), то десятый час очевидно равнялся нашему четвертому часу по полудни. Ученики, следовательно, пробыли у Христа и весь остаток того дня и всю ночь. По крайней мере евангелист ничего не сообщает о том, чтобы они к ночи удалились (Златоуст, Феодорит и Кирилл, а также и Августин)»[32].

В данном евангельском пассаже о явлении Иисуса и первой Его беседе с двумя будущими учениками нам представляется важным, что заключающий его фрагмент о времени находится не на своем месте: указание на время дня следует после фразы, из которой ясно, что «день тот» уже закончился, так как глагол «пробыли» ἔμειναν имеет грамматическую форму аориста, которая вместе с указанием на время («день тот») означает действие, продолжавшееся определенный период времени и закончившееся к моменту высказывания. Было бы логичнее, если бы заключительное предложение было поставлено после слов «пошли и увидели, где Он живет»: это означало бы, что беседа Иисуса с учениками происходила в десятом часу, а остаток дня, то есть следующие два часа, ученики провели в Его доме. Комментаторы не акцентируют внимание на этом несоответствии, ограничиваясь указанием на то, что дело происходило вечером[33].

На наш взгляд, упоминание десятого часа в данном евангельском фрагменте призвано не только указывать на время суток, в которое происходила первая беседа Иисуса с учениками. При такой интерпретации число «десять» можно заменить другим: упомянутая беседа могла происходить, например, в девятом или одиннадцатом часу, отчего ее содержание и значение, как кажется, не изменились бы. Более важным в данном случае представляется то значение, которое числу десять придавалось в древности, начиная с пифагорейцев. «Декада, согласно пифагорейцам, содержит сущность числа. Об этом сообщает Аэтий: "Природа же числа — десять. Ибо все эллины и все варвары считают до десяти, дойдя же до этого (числа), они снова возвращаются к единице". Филолай (V в. до н. э.) говорит о десятке: "Действия и сущность числа должно созерцать по силе, заключающейся в декаде. Ибо она — велика и совершенна, все исполняет и есть начало (первооснова) божественной, небесной и человеческой жизни" ⟨.⟩.. Итак, декада содержит в себе все виды числовых отношений, а эти отношения лежат в основе как природных процессов, так и жизни человеческой души. Согласно Филолаю, "все познаваемое имеет число. Ибо без последнего невозможно ничего ни понять, ни познать" ⟨...⟩ В декаде, по убеждению пифагорейцев, не только содержатся все возможные отношения чисел, но она являет также природу числа как единства предела и беспредельного. Декада — это "предел" числа, ибо, перешагнув этот предел, число вновь возвращается к единице. Но поскольку можно все время выходить за пределы декады, поскольку она не кладет конца счету, то в ней присутствует и беспредельное. В этом отношении декада есть как бы модель всякого числа, числа вообще ⟨...⟩ Декада пифагорейцев предстает также как священная четверица, которая, по преданию, была клятвой пифагорейцев»[34]. Что касается ближневосточной традиции, то здесь в качестве аналога можно указать на знаменитый «декалог» (десятословие) Ветхого Завета — десять заповедей, открытых Моисею Богом на горе Синай (Исх 20. 1—17; Втор 5. 1—12).

Раннехристианские авторы унаследовали от древних особое отношение к числу «десять» как числу совершенному и в силу этого священному и связанному с божеством[35]. Важно, что буква ι' (иота), обозначающая у греков десятку, является первой бук-

вой имени Христа. На прямую связь имени Иисуса с числом «десять» указывали не только гностики, но и Климент Александрийский (ум. до 215 г.). В толковании стиха Пс 32. 2 («Славьте Господа на гуслях, пойте Ему на десятиструнной псалтири») он говорит: «Десятиструнная псалтирь (τὸ δεκάχορδον ψαλτήριον) слово "Иисус" обозначает, в числе десятки проявляемое»[36]. Имя «Иисус» связывается с десяткой и в «Послании апостола Варнавы» (II в.): «Десять и восемь выражаются, — десять буквою иота (ι'), восемь — буквою ита (η'), и вот *начало имени* Иисус»[37].

Итак, обозначение «десятого часа» в евангельском фрагменте о первой беседе Иисуса с учениками, по нашему мнению, должно указывать не только на время дня, но и на имя «Иисус», как бы подчеркивая, что все происходящее отныне несет на себе отсвет этого имени.

Не связан ли с символическим значением десятки тот факт, что в средневековых латинских рукописях первые две буквы имени Христа пишутся на греческий манер: Xpistus? При таком написании начальная буква X имеет в латинской традиции то же самое числовое значение «десять».

В данном евангельском стихе имеется разночтение по греческим спискам: вместо «десятого» (δεκάτη) часа — «шестой» (ἕκτη) час. Число «шесть», по Оригену — число совершенное, связанное, в первую очередь, с шестым днем Творения[38]. Шестой час может указывать в данном месте на завершение земного времени, так как шестой день Творения был последним, или на аналогию «сотворение человека» — «явление Иисуса для спасения человечества». Евлогий Александрийский (ум. 607) связывает число «шесть» из рассказа синоптических евангелий о страстях Христовых (Мф 27. 45; Мк 15. 33; Лк 23. 44) с грехопадением Адама в раю: «Тот в шестом часу шестого дня в саду к древу простер руку дурно; Христос в шестом часу шестого дня в саду Голгофы простер на древе руки прекрасно»[39].

II

«Четыри десять и шестию лѣтъ создана бысть церковь сиа»

И ответили иудеи и сказали Ему: Какое знамение являешь нам, что это делаешь? Ответил Иисус и сказал им: Разрушьте храм этот и

в три дня воздвигну его. И сказали иудеи: (За) сорок и шесть лет был построен храм этот, а Ты в три дня воздвигнешь его? Он же говорил о храме тела Своего. И когда Он восстал из мертвых, вспомнили ученики Его, что это Он говорил, и поверили Писанию и слову, которое сказал Иисус (Ин 2, 18–22).

В данном фрагменте впервые в Евангелии от Иоанна говорится о смерти и трехдневном воскресении Иисуса. Подчеркивается, что воскреснет («воздвигнется») тело Иисуса. Тело – это то, что роднит Иисуса с каждым из живущих, так как Иисус принял человеческую плоть при рождении от Девы. Предполагаем, что эта связь во фрагменте выражена числом «сорок шесть». Это число (якобы время построения Иерусалимского храма) является суммой числовых значений букв, составляющих имя «Адам»: α´ (1) + δ´ (4) + α´ (1) + μ´ (40) = 46. О связи Адама с Христом в контексте воскресения Иисуса и будущего воскресения всех, уверовавших в Него, говорится в известном месте из 1 Послания апостола Павла к Коринфянам: «Ныне же Христос воскрес из мертвых, Начало усопших. Ибо поскольку через человека смерть, (то) и через человека Воскресение мертвых. Ибо как во Адаме все умирают, так во Христе все будут оживлены» (1 Кор. 15. 20–22, перевод наш). Здесь имя Адама, первого согрешившего и обрекшего на смерть все человечество, связывается с именем Христа, даровавшего всем верующим в Него жизнь. Далее Иисус прямо называется вторым Адамом: «Сеется тело душевное, воздвигается тело духовное. Если есть тело душевное, есть и духовное. Так и написано: *Стал* первый *человек* Адам *в душу живущую*, последний Адам – в дух животворящий. Но не прежде духовное, но душевное, затем духовное. Первый человек – из земли перстный, второй человек – с неба» (1 Кор 15. 44–47, в нашем переводе). Во фрагменте о разрушении и построении Иерусалимского храма роль связующего звена между Иисусом и Адамом выполняет, на наш взгляд, число «сорок шесть»: «храм» (строился 46 лет) – «храм тела Иисуса» – «тело Адама» (числовое значение имени – 46). Точного времени построения последнего Иерусалимского храма нигде в Священном Писании не указано. Православные комментаторы считают, что под «построением храма» в данном месте имеются в виду работы по возведению различных храмовых построек, закончившиеся только в 63 г. по Р. Х.[40], но в гре-

ческом тексте употреблен глагол в аористе: οἰκοδομήθη (οἰκοδομέω) «был построен», что предполагает уже завершившееся действие.

III
«Въ час седмыи остави его огнь»

И был некий царедворец, у которого сын болел в Кафарнауме. Он, услышав, что Иисус пришел из Иудеи в Галилею, вышел к Нему и просил, чтобы Он сошел и излечил его сына, ибо (тот) умирал. И сказал Иисус к нему: Если знамений и чудес не увидите, не поверите. Говорит к Нему царедворец: Господи, сойди, прежде чем умрет дитя мое. Говорит ему Иисус: Иди, сын твой жив. Поверил человек слову, которое сказал ему Иисус, и отправился. И когда он уже спускался, рабы его встретили его, говоря, что сын его жив. И спросил о часе у них, в который ему стало легче. И сказали ему, что вчера в седьмом часу оставил его жар. И понял отец, что в тот (самый) час, в который сказал ему Иисус: Сын твой жив, и уверовал сам и дом его весь (Ин 4. 46—53).

В данном контексте интересно, почему выздоровление сына царедворца произошло именно в седьмом часу. Семерка у греков обозначается буквой ζʹ, с этой же буквы начинаются слова ζάω «жить», ζωή «жизнь». На связь седьмого часа со словом «жизнь» обратили внимание уже в античности: «Шесть часов наиболее пригодны для работы, а те четыре, которые следуют за ними, если их выразить буквами, говорят людям: живи!» [41] (о часах 7-м, 8-м, 9-м и 10-м, обозначавшихся буквами ζʹ, ηʹ, θʹ и ιʹ, которые составляют слово ζῆθι «живи!»). Предполагаем, что и в данном евангельском контексте «седьмой час» связан с первой буквой слова ζάω «жить», недаром в данном месте трижды повторено: «сын твой жив» (ζῇ). Речь в данном случае идет не о здоровье отрока (не сказано «сын твой здоров» или «сын твой выздоровел»), а о жизни, причем о такой жизни, которую дает Христос верующим в Него (греч. ζωή «жизнь вечная» в отличие от βίος «существование, жизнь земная, временная»). Не случайно в конце фрагмента о сыне царедворца говорится, что он «уверовал сам и весь дом его» (Ин 4. 53, перевод синодальный). Упоминанием «седьмого часа» подчеркивается, что благодаря болезни и выздоровлению сына отец его получил жизнь вечную (в синодальном переводе ключевое слово рассказа о сыне царедворца переведено неточно: «сын твой здоров» вместо «сын твой живет»,

как в греческом). О «жизни вечной» прямо говорится в той же главе Евангелия от Иоанна чуть выше: «Жнущий получает награду и собирает плод в Жизнь Вечную» (Ин 4. 36, перевод синодальный).

В связи с этим интересен тот факт, что в славянской глаголице семерка обозначается буквой «ж», то есть начальной буквой слов «жити», «животъ», «житие», «жизнь», «живъ». Случайное ли это совпадение?

В латинском и сирийском переводах данного места Евангелия от Иоанна имеются разночтения: вместо «седьмого часа» — «третий» (tertia) и «девятый» (nona) час[42]. Очевидно, в переводе Евангелия на другие языки связь числа «семь» и глагола ζάω «жить» уже не ощущалась и это число было заменено числами с другой символикой.

IV

«Тридесять и осмь лѣт имыи в недузѣ своем»

И был некий человек там, тридцать и восемь лет проведший в болезни своей. Его увидев Иисус лежащим и узнав, что долгое уже время он проводит (так), говорит ему: Хочешь стать здоровым? Ответил ему больной: Господи, человека не имею, чтобы, когда возмутится вода, положил меня в купальню — пока я иду, другой до меня сходит. Говорит ему Иисус: Так возьми одр твой и ходи. И тут же стал здоров человек и взял одр свой и пошел (Ин 5. 5–9).

В синодальном переводе на месте греч. κράβαττον вин. (буквально «кровать») стоит «постель», в современном подстрочном переводе греческого Нового Завета на русский язык оставлено «кровать» (по происхождению грецизм)[43], в латинской Библии (Вульгате) также оставлен грецизм grabbatum, и это не случайно. Как русское «кровать» современного перевода, так и «постель» синодального перевода не передают значение греческого слова, поскольку слишком связаны с современным представлением об этих предметах: «кровать» — это конструкция на четырех ножках с матрасом, «постель» — это то, что стелется на кровать. И. И. Срезневский указывает, что греч. κρόββαττος означает собственно lit suspendu, hamac[44] (подвесная кровать, гамак). Видимо, в данном месте Евангелия от Иоанна больной лежал на носилках, на которых его принесли к купальне Вифезда. В старославянском пере-

воде этого места, как и в древнерусских евангелиях, употреблено слово **одръ**. Это слово в современном русском языке имеет значение «постель, ложе больного или умирающего»[45]. Поэтому оно уместно в данном контексте, так как эпизод с исцелением расслабленного у купальни Вифезда имеет прообразовательную символику. «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные ⟨...⟩ Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф 9. 12–13; Мк 2. 17; Лк 5. 31). Больной, лежащий у Овчей купели, символизирует всех грешников, которых пришел исцелить Иисус. Одр болезни – это одр греховный, о котором говорится в старославянском глаголическом Синайском требнике XI в.: **въздвигни и отъ одра грѣховънааго**[46].

Кирилл Александрийский истолковывает число «тридцать восемь» в данном фрагменте как число, которому не хватает двух до совершенного числа – сорок: «А потом, возвратившись во время святой Пятидесятницы ⟨...⟩ Он при водах купели исцеляет расслабленного, долгое время пребывавшего в немощи, – ему был тридцать восьмой год, – впрочем, еще не дошедшего до совершенного подзаконного числа, разумею состоящее из четверицы десятков, или сорок. ⟨...⟩ А исцеление расслабленного, прежде совершенного по закону времени, означает опять как бы посредством образа события, что нечестиво безумствовавший против Христа Израиль изнеможет, расслабнет, долгое время проведет в бездействии, однако же не дойдет до совершенного наказания, но будет ему от Спасителя некое призрение и он исцелится при купели чрез послушание и веру»[47].

Нам представляется, что скрытое значение числа «тридцать восемь» в данном евангельском фрагменте связано с его буквенным обозначением. Это число обозначается по-гречески двумя буквами: λ´ (=30) и η´ (=8). Эти две буквы представляют собой греческую транслитерацию еврейского слова 'el, что значит «Бог». «Слово 'El (Бог) – это родовое семитское обозначение Божества. Судя по хананейскому словоупотреблению в Рас-Шамре / Угарите, этот термин относится к богу высочайшего ранга, являющемуся чем-то вроде отца богов. Этот термин обозначает Бога в самом широком смысле. Этимологически 'el, по-видимому, восходит к слову *сила*, как во фразе "есть в руке Моей сила ['el] сделать вам зло" (Быт. 31. 29; ср. Неем. 5.5). В Книге Иова и

в Псалтири находится бульшая часть из двухсот тридцати восьми случаев употребления слова 'El в Библии»[48]. В Новом Завете это еврейское наименование Бога встречается в составе имени «Еммануил» ('Εμμανουήλ), которое в Евангелии от Матфея (Мф 1.23) переводится «с нами Бог» (μεθ' ἡμῶν ὁ θεός), а также в предсмертном вопле Иисуса: «Или, Или (ηλι ηλι), лама савахфани?», что значит: «Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставил?» (Мф 27.46). Интересно, что в апокрифическом Евангелии от Петра эти предсмертные слова Христа переданы так: «Сила моя, Сила моя, для чего ты меня оставила?», то есть слово ἠλί было понято как еврейское 'eli «сила, власть», которое в Септуагинте переводится как δύναμις. Именно δύναμις («сила») и употреблено в Евангелии от Петра[49]. В синоптических евангелиях Бог Отец также называется «силой»: «узрите Сына Человеческого сидящего одесную силы» (Мк 14. 62); «Сын Человеческий воссядет одесную силы Божией» (Лк 22. 69).

Грекоязычные авторы знали значение еврейского слова 'El, о чем свидетельствует толкование бл. Феодорита Киррского: «И имя: Ил, произносимое без придыхания, значит также Бог, а с придыханием — Бог крепкий»[50].

Как представляется, имя Бога Отца, зашифрованное в числе «тридцать восемь», не случайно появляется именно в данном месте Евангелия от Иоанна. Далее в этой главе (Ин 5. 17–47), которая открывается исцелением расслабленного у Овчей купели, Иисус говорит иудеям о пославшем Его Отце, волю Которого Он исполняет: «Иисус же говорил им: Отец Мой доныне делает, и Я делаю ⟨...⟩ Истинно, истинно говорю вам: Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо, что творит Он, то и Сын творит также. Ибо Отец любит Сына и показывает Ему все, что творит Сам; и покажет Ему дела больше сих, так что вы удивитесь. Ибо как Отец воскрешает мертвых и оживляет, так и Сын оживляет, кого хочет. Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, дабы все чтили Сына, как чтят Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его...»[51] и т. д. Как говорит Иоанн Златоуст, «Он обращается к Отцу, двояким образом показывая Свое равенство с Ним, — и тем, что называет Его в собственном смысле Своим *Отцемъ*, и тем, что представляет Себя делающим заодно с Ним. ⟨...⟩ Потому-то, преду-

преждая их, Он и сказал: *Отецъ Мой*, чтобы заставить их, и против их воли, допустить для Него то же самое (что и для Бога Отца), по уважению к Его совершенному единению с Отцем»[52]. Таким образом, число «тридцать восемь», обозначающее Бога Отца, является связующим звеном между первым эпизодом главы (исцеление расслабленного) и последующей речью Христа к иудеям.

Интересно, что арамейское название купальни у Овечьих ворот в Иерусалиме, где произошло исцеление расслабленного, по-гречески имеет варианты в разных списках Евангелия: Βηθζαθά, Βηθεσδα, Βηθσαιδα, Βελζεδα[53]. Все эти названия означают топонимически одно и тоже место, разнясь между собой только написанием. Издатели греческого Нового Завета в качестве основного варианта используют первый из них (Βηθζαθά), в оригинале старославянского перевода Евангелия находился второй (Βηθεσδα), его же выбрали и авторы синодального перевода[54], в Вульгате транслитерируется третий вариант (Bethsaida). С точки зрения числовой символики интересен первый вариант, так как его числовое значение (по сумме числовых значений составляющих его букв) — «тридцать семь», то есть на единицу меньше, чем указанное в тексте число лет болезни расслабленного. Возможно, этот факт связан с «неполнотой» числа 37 как прообраза неполноты чуда исцеления расслабленного, которое является лишь прообразом будущего всеобщего Воскресения («и покажет Ему дела больше сих»). Но это только предположение. Числовая символика названия Βηθζαθά, если она есть, требует дальнейшего осмысления.

V

«Что ради миро се не продано бысть на трехъ стех пѣнязь?»

И Мариам, взяв литру мира (из) нарда настоящего многоценного, помазала ноги Иисуса и вытерла волосами своими ноги Его. И дом наполнился запахом мира. И говорит Иуда Искариот, один из учеников Его, имеющий намерение его предать: Почему это миро не было продано за триста динариев и (не было) дано нищим? (Ин 3–5).

Число «триста» по-гречески обозначается буквой «Т» («тав»), которая имеет форму древнейшего креста Христова. В «Послании апостола Варнавы» (II в.) символически истолковывается число домочадцев ветхозаветного патриарха Авраама – 318: «Авраам, который первый ввел обрезание, предвзирая духом на Иисуса, обрезал *дом свой*, содержа в уме таинственный смысл трех букв. Писание говорит: "обрезал Авраам из дома своего десять, и восемь, и триста мужей"[55]. Какое же ведение было дано ему в этом? Узнайте сперва, что такое десять и восемь, и потом, что такое триста. Десять и восемь выражаются, – десять буквою иота (ι′), восемь – буквою ита (η′), и вот *начало имени* Иисус. А так как крест *в образ буквы* тав (Т), должен был указывать на благодать *искупления*, то и сказано: "и триста". Итак, в двух буквах открывается имя Иисус, а в одной *третьей* крест. – Знает это Тот, Кто положил в нас постоянный дар Своего учения. Никто не слышал от меня слова, более совершенного; но я знаю, что вы достойны того»[56].

Предполагаем, что не случайно число «триста» появляется при первом упоминании в Евангелии от Иоанна имени Иуды Искариота. Евангелист сообщает, что Иуда «имел намерение предать» Христа (ὁ μέλλων αὐτὸν παραδιδόναι), и здесь же в завуалированной форме называет и орудие смертной казни Иисуса – крест, на который предаст Его Иуда. Если пойти дальше в поисках неявного смысла слов, то можно связать с числом «триста», то есть с обозначением креста, и само прозвище предателя Иуды – «Искариот». Толкователи предположительно возводят это прозвище к еврейскому 'īš qᵉrīōth «муж Кериота», то есть происходящий из города Кериота в колене Иудином[57]. При «тщательном чтении» греческого текста обнаруживается, что прозвище ὁ Ἰσκαριώτης является анаграммой числительного τριακόσια ср. мн. «триста», то есть эти слова состоят из одного и того же набора букв (единственной несовпадающей буквой является суффиксальная η в имени собственном). Предполагаем, что это не случайное совпадение. Как и фрагмент о трехстах динариях, прозвище «Искариот» должно напоминать посвященному читателю, на какую смерть обрекло Иисуса предательство Иуды.

VI

«Полну великыхъ рыбъ, сто и пятдесять и три»

Итак, поднялся Симон Петр и вытащил сеть на землю, полную рыб больших, ста пятидесяти трех, и (хотя) столько (их) было, не порвалась сеть (Ин 21. 11).

В сцене явления Иисуса после Воскресения ученикам каждый элемент текста должен обладать особой значимостью. Очевидно, символическое значение имеют здесь слова «ночь» до явления Иисуса, когда ученики ловили рыбу «и не поймали в ту ночь ничего» (Мф 21. 3) и «утро» во фразе «а когда настало утро, Иисус стоял на берегу» (Мф 21. 4). Эти слова перекликаются с широко известным изречением из Послания апостола Павла к Римлянам: «Ночь прошла, а день приблизился» (Рим 13. 12). Несомненно, символическим значением обладает и словосочетание «правая сторона» в словах Иисуса ученикам: «Закиньте сеть по правую сторону лодки, и поймаете» (Ин 21. 6). «Правая сторона» в Ветхом завете символизирует «доброе», как, например, в словах Екклесиаста: «Сердце мудрого – на правую сторону, а сердце глупого – на левую» (Екк 10. 2). В Новом Завете известнейшим текстом о правой и левой сторонах являются слова Иисуса: «Когда же приидет Сын Человеческий во славе Своей, (...) и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую» (Мф 25. 31–32). «Сеть» и «рыбы (в сети)» коррелируют с параллельным местом Евангелия от Луки: «[Иисус] сказал Симону: отплыви на глубину и закиньте сети свои для лова. Симон сказал Ему в ответ: Наставник! мы трудились всю ночь и ничего не поймали, но по слову Твоему закину сеть. Сделав это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась» (Лк 5. 4–6). «Хлеб» и «рыба (испеченная на огне)», которые Иисус дает ученикам (Ин 21. 13), явно перекликаются с эпизодом насыщения людей пятью хлебами и двумя рыбами (Мф 14. 17; Мк 6. 38; Ин 6. 9), где хлеб – это хлеб жизни, как Сам Христос называет Себя в Евангелии от Иоанна (Ин 6. 35; 48), а также с эпизодом из Евангелия от Луки, когда воскресший Иисус ест печеную рыбу: «Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И, взяв, ел пред ними» (Лк 24. 42–43), где

вкушение пищи Иисусом свидетельствует о Его воскресении во плоти.

Не касаясь символики «рыбы» и «рыбной ловли» в Священном Писании и раннем христианстве, которая не может быть представлена в рамках настоящей статьи, остановимся на числе рыб. Предполагаем, что точное их число здесь названо не случайно. В качестве первого приближения к интерпретации числа «сто пятьдесят три» в данном месте можно указать, что оно, очевидно, связано с числом «семнадцать». Число «сто пятьдесят три» является суммой чисел от единицы до семнадцати: 1 + 2 + 3 + 4 + 5 ... + 17 = 153. Подобные вычисления проводились, согласно Иринею, в отношении числа тридцать, обозначаемого буквой λ′ (ламвда): «Ламвда занимает одиннадцатое место между буквами, и она же означает число тридцать; и вместе она служит подобием вышнего домостроительства, потому что, если сложить по порядку числа самых букв от алфы до ламвды, включая и самую ламвду, за исключением шестеричного знака, то составится число девяносто девять»[58]. Вместе с тем число 153 является произведением чисел 17 и 9: 17 x 9 = 153. Возможно, число «семнадцать» могло рассматриваться как сумма чисел «десять» и «семь» (10 + 7 = 17), каждое из которых было по отдельности проанализировано выше. Тогда в числе «семнадцать» зашифровано соответственно имя Ἰησοῦς «Иисус» (десятка) и слово ζωή «жизнь» (семерка), а число 153 содержит ровно девять указаний на эти слова.

Еще одна возможная интерпретация числа 153 связана со словом ἡμέρα «день». Это слово — одно из ключевых в Новом Завете — в эсхатологической символике означает наступление времени Царства Божия, когда ночи уже не будет (Откр 21.25; 22.5). Слово ἡμέρα «день» имеет числовое значение 154 (η′ = 8, μ′ = 0, ε′ = 5, ρ′= 100, α′ = 1). Число рыб, пойманных учениками на море Тивериадском после явления им Иисуса, на единицу меньше этого значения. Предполагаем, что его неполнота означает лишь предвестие наступления Дня Божия: не случайно о явлении Иисуса говорится, что Он стоял на берегу, «когда настало утро». Воскресение Иисуса — лишь утро того великого Дня, когда Он «придет во славе Своей» «судить живых и мертвых». В Откровении Иоанна Сам Иисус говорит о Себе: «Я есмь корень и потомок

Давида, звезда светлая и утренняя» (Откр 22. 16). «Утро» последнего явления воскресшего Иисуса ученикам при море Тивериадском коррелирует с вечером («десятым часом» дня) первого явления Иисуса ученикам «в Вифаваре при Иордане, где крестил Иоанн». Таким образом, сначала был вечер — последние годы земной жизни Христа, затем ночь — Его пребывание во гробе, потом наступило утро Его Воскресения, предвещающее великий День всеобщего воскресения. Такая интерпретация не противоречит предложенной выше связи числа 153 с его множителем 17: в «День Господень» уверовавшие во Христа получат «жизнь вечную».

* * *

Итак, на материале нескольких проанализированных фрагментов Евангелия от Иоанна мы пытались выявить роль чисел в евангельском тексте или хотя бы сделать предварительные замечания относительно этой роли. Примененная методика базируется на том постулате, что четвертое евангелие является древним сакральным памятником и в этой связи его следует рассматривать как многоуровневый текст, части которого связаны между собой и с другими памятниками древней письменной и устной культуры не только внешней связью — на уровне словосочетаний и синтагм, но и более глубокой связью, часто не лежащей на поверхности, заключенной внутри слов и частей слов, обычно (но не всегда) теряющейся при переводе. Проанализированные фрагменты представляют собой цепочку ключевых событий, начиная от первого появления Христа перед учениками и кончая последним Его явлением ученикам после Воскресения, внутри которой расположены эпизоды, связанные со смертью и Воскресением Христа как прообразом всеобщего Воскресения. Нам представляется, что предложенная нами интерпретация чисел, встречающихся в этих фрагментах, не противоречит ни отдельным деталям евангельского текста, ни смыслу всего проиведения в целом и тем самым в той или иной степени удовлетворяет требованию достоверности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Вайс М.* Библия и современное литературоведение: метод целостной интерпретации. М.: Мосты культуры, 2001. С. 52.

[2] Там же.

[3] *Robertson D.* Literature, the Bible as // Interpreter's Dictionary of the Bible, Supplementary Volume. P. 547–548.

[4] *Вайс М.* Библия... С. 37.

[5] *Spitzer L.* Stilstudien. II. München, 1928. S. 17.

[6] *Вайс М.* Библия... С. 31.

[7] Там же.

[8] *Richards I. A.* Poetic Process and Literary Analysis // Style in Language. Cambridge, Mass., 1960. P. 16–17.

[9] *Вайс М.* Библия... С. 38.

[10] *Эрик У. Адамс.* Числа: Символическое значение // Евангельский словарь библейского богословия / Под ред. Уолтера Элуэлла. СПб.: Библия для всех, 2000.

[11] The Oxford Companion to the Bible / Ed. by Bruce M. Metzger, Michael D. Coogan. N. Y.; Oxford: Oxford University Press, 1993.

[12] *Lampe G. W. H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1952. P. 672.

[13] Ibid. P. 1073.

[14] Сочинения св. Иринея, епископа Лионского. СПб., 1900. С. 68.

[15] *Lampe G. W. H.* A Patristic ... P. 88. О числовом значении слова ἀμήν говорится в статье: *Аминь* писца Путяты // *Щёголева Л. И.* Путятина минея (XI век) в круге текстов и истолкования. 1–10 мая. М.: Территория, 2001. С. 484–485.

[16] Сочинения св. Иринея... С. 73. Ср. *Ювенал.* Сатиры. 10. 249.

[17] Сочинения св. Иринея... С. 70.

[18] Там же. С. 73–74.

[19] Там же. С. 178.

[20] *Свенцицкая И. С.* Тайные писания первых христиан // Раннее христианство: Страницы истории. М.: Политиздат, 1987. С. 262.

[21] Там же. С. 263. В настоящее время большинство исследователей относятся к этой гипотезе с большой осторожностью (см.: *Тищенко С. В.* Основные мотивы интерпретации Ин // Канонические Евангелия / Пер. с греч. В. Н. Кузнецовой; Под ред. С. В. Лёзова и С. В. Тищенко. М.: Наука, 1992. С. 337, 341).

[22] *Донини А.* У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана). 2-е изд. М.: Политиздат, 1989. С. 20.

[23] *Betti E.* Allgemeine Auslegungslehre als Methodik der Geisteswissenschaften. Tübingen, 1967. S. 210.

[24] *Staiger E.* Die Kunst der Interpretation. Zürich, 1956. S. 11.

[25] Библия 1499 года и Библия в русском переводе. Т. 7. М.: Изд. отдел Московского Патриархата, 1992.

[26] Творения св. отца нашего Кирилла Александрийского. Ч. 12. Толкование на Евангелия от Иоанна // Творения св. отцов в русском переводе. Т. 64. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1901. С. 200—201.

[27] См.: Толковая Библия, или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 9. Пб., 1912. С. 419.

[28] Patrologia Graeca. Т. 13. Col. 1343.

[29] Ibid. Col. 1348.

[30] Иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа Константиня града Златоустаго, избранныя творения. Беседы на Евангелие от Иоанна Богослова. Кн. 1. Изд. отдел Московского Патриархата, 1993. Репр. воспроизв. изд.: Творения святаго отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Т. 8. СПб.: Изд. С.-Петербургской Духовной Академии, 1902. С. 122—123.

[31] Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста. Т. 1. Кн. 1. М., Православная книга, 1991. Репр. воспроизв. изд.: СПб.: Изд. С.-Петербургской Духовной Академии, 1898. С. 361—363.

[32] Толковая Библия ... Т. 9. С. 325.

[33] Иже во святых отца нашего Иоанна ... С. 120.

[34] *Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки: становление и развитие первых научных программ. М.: Наука, 1980. С. 37—40.

[35] *Lampe G. W. H.* A Patristic ... P. 335.

[36] *Ibid.* P. 672.

[37] Писания мужей апостольских. Рига: Латвийское библейское об-во, 1994. С. 76—77 нижней паг. Раскол в русской церкви, происшедший в том числе из-за второй буквы имени Иисуса, показывает исключительное внимание, которое уделялось каждой букве этого имени и спустя шестнадцать столетий после евангельских событий.

[38] *Lampe G. W. H.* A Patristic... P. 489.

[39] *Ibid.* P. 29.

[40] Толковая Библия ... Т. 9. С. 334.

[41] *Бикерман Э.* Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность. М.: Наука, 1976. С. 12.

[42] Nestle-Aland. Novum testamentum graece. Stuttgart, 1985. P. 259.

[43] Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык. СПб., 2001. С. 528 (пер. Д. Ф. Бумажнова).

[44] *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. I. Стб. 1326.

[45] Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. II. М., 1938. Стб. 769.

[46] Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Рус. яз., 1994. С. 406.

[47] Творения св. отца нашего Кирилла Александрийского ... С. 319–320.

[48] *Мартенс Элмер А.* Бог: имена // Евангельский словарь библейского богословия / Под ред. Уолтера Элуэлла. СПб.: Библия для всех, 2000. С. 125–126.

[49] *Мецгер Брюс М.* Канон Нового Завета: Происхождение, развитие, значение. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 1998. С. 171.

[50] *Блаженный Феодорит.* Сокращенное изложение божественных догматов // Творения. Ч. 6. М., 1859. С. 18.

[51] Цитируется по Библии в синодальном переводе.

[52] Иже во святых отца нашего Иоанна ... С. 244.

[53] Nestle-Aland. Novum testamentum... P. 259.

[54] Симфония, или Словарь-указатель к Священному Писанию Ветхого и Нового Завета / Под ред. митр. Волоколамского и Юрьевского Питирима. Т. 1. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1988. С. 373.

[55] Ср. Быт 17. 26–27; 14. 14.

[56] Писания мужей апостольских... С. 76–77 нижней паг.

[57] Симфония... Т. 2. 1995. С. 921.

[58] Сочинения св. Иринея ... С. 73.